

А.В. ЕЛИСЕЕВА

ПРОТЕСТ ТЕЛА В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1970-Х ГОДОВ

Признавая, что литературное творчество семидесятых годов в ФРГ является особым периодом, исследователи до сих пор дискутируют о его специфике. В научных работах, посвящённых немецкой литературе семидесятых годов, использование устоявшихся терминов, таких как «новая субъективность» («*Neue Subjektivität*», «*Neue Innerlichkeit*»), «исповедальная литература» (*Verständigungsliteratur*), «поэзия повседневности» (*Alltagsgedicht*) сочетается с критикой этих и других ярлыков. По мнению некоторых учёных, пока ещё отсутствует необходимая временная дистанция, чтобы понять особенности данного литературного этапа и его место в литературном процессе XX века (См. об этом, например: [1, S. 720 – 721; 2, S. 7 – 12]).

При всей осторожности в обобщениях следует отметить, что многие суждения о литературе семидесятых годов, высказанные до сих пор в исследовательской литературе, весьма убедительны. Поэзия, драма и проза этого периода нередко отмечены разочарованием в эффективности политических движений и в общественной функции литературы, пристальным вниманием к малым или относительно малым феноменам – регионам, провинции, отдельным социальным и гендерным группам, различным стратам общества. Литература того времени включает в себя интерес к частному, личному, автобиографическому началу, нередко содержит фотографический и кинематографический коды и т.д. (См., например: [3, S. 309 – 328; 4, S. 407 – 424; 5, S. 75 – 104]).

Характерным для данного литературного десятилетия является и отмеченный многими исследователями интерес к телу. Этот интерес принимает различные формы и проявляется в разных аспектах – как расхождение между телесными и дискурсивными практиками в «новой народной пьесе» (Ф.К. Крёц, М. Шперр, Р.В. Фассбиндер), как разрыв между женским телом и патриархальным дискурсом (в феминистической литературе, например, в творчестве В. Штефан), как обращение к теме болезни и нарративной перспективе больного, например, в романе Х. Киппхардта «*Мерц*» (1976), где представлена повествовательная перспектива шизофреника, или в произведении Э. Херхауса «*Капитуляция*» (1977), в котором речь идёт об алкоголизме. Сходные тенденции наблюдаются и в других немецкоязычных литературах – достаточно вспомнить известный автобиографический роман швейцарского автора Фрица Цорна (настоящее имя – Фриц Ангст) «*Марс*» (1976), где повествование ведётся от лица больного раком человека [6, S. 655 – 672; 7, S. 148 – 149].

Темой статьи является такое частное проявление интереса к телесности в литературе семидесятых годов как мотив непонятной, неопределённой, названной болезни. Речь пойдёт о произведениях двух авторов, во многом определивших данное литературное десятилетие – Николасе Борне и Бото Штраусе.

Творческое наследие рано умершего немецкого автора Николаса Борна (1937–1979) включает в себя несколько лирических сборников, эссе, а также три романа: «*Второй день*» («*Der zweite Tag*», 1965), «*Обратная сторона истории*» («*Die erdabgewandte Seite der Geschichte*», 1976) и «*Фальшивка*» («*Die Fälschung*», 1979). Бото Штраус, родившийся в 1944 году и дебютировавший как драматург именно в семидесятые годы, до сих пор остаётся автором, творчество которого вызывает полемику.

Мотив болезни возникает в двух романах Борна. В романе «*Обратная сторона истории*», в котором повествование идёт от первого лица, герой – писатель, болезненно переживающий как кризис в личных отношениях (речь идёт о ненависти к бывшей жене, о зашедших в тупик отношениях с нынешней подругой), так и утрату интереса к общественным проблемам, потерю чувства реальности, невозможность творчества. Современная жизнь Германии вызывает у него отторжение. Повествование включает в себя не только размышления и эмоции нарратора, но и фиксацию телесных состояний. Так, к середине романа нарастают симптомы физического недомогания протагониста: «*Меня знобило, и болел желудок. Только что, вставая со стула, я испытал приступ головокружения, и мне казалось, что ноги разъезжаются под*

тяжестью тела» [8, S. 70]¹. В произведении содержатся и другие многочисленные эпизоды недомогания, которое испытывает рассказчик: «Несколько дней назад я упал в обморок в метро. Люди подняли меня и посадили на скамейку... В последнее время мне уже часто становилось плохо» [8, S. 117]. Повествователь испытывает приступы слабости в кафе, дома в ванной, на улице и т.д. Наконец, герой уезжает из Берлина и обращается к врачу в Дюссельдорфе, который направляет его в клинику на обследование: «Я решил пройти обследование в Дюссельдорфе или Эссене, потому что думал, что это опухоль, внутренний враг, засевший в голове» [8, S. 117]. Немало страниц посвящено пятидневному пребыванию персонажа в больнице, его общению с врачами, к которым он относится иронически-дистанцированно, а также с соседом по палате – крановщиком, который всё хочет и может объяснить. Проведя некоторое время в больнице, протагонист покидает её, так и не узнав свой диагноз и проигнорировав рекомендации продолжить обследование. Болезнь рассказчика, которой уделено немало места в романе, таким образом, остаётся невыясненной, неназванной, неопределённой.

Сходная ситуация складывается в романе «Фальшивка». Его герой, журналист Георг Лашен, работающий в Бейруте, с близкой дистанции наблюдает войну на Ближнем востоке – многочисленные смерти, расправы, бомбёжки и т.д. Персонаж осознаёт невозможность деления на правых и виноватых в этой войне, а также лживость всяких журналистских сообщений о политике. Как и рассказчика в романе «Другая сторона жизни», его тяготит отчуждённость и ложь в личных взаимоотношениях. Вскоре после приезда Лашена в Бейрут сообщается о его плохом самочувствии – персонаж испытывает слабость, жар, озноб, нередко проводит часы в полубреду в своём гостиничном номере: «Сегодня утром ... он опять почувствовал, как тяжело держаться на ногах, какая это тяжкая ноша его тело, ослабевшее от жара, как сильно ломит кости... Суставы как будто вывернуты и не дают друг другу двигаться» [9, с. 163]. Несмотря на болезненное состояние, герой продолжает работать, ездить по стране, писать, борясь с недомоганием при помощи хинина и алкоголя. Диагноз Лашена так и остаётся неизвестным. После его приезда в Германию болезненные симптомы больше не упоминаются.

Таким образом, проступает инвариантный элемент структуры романов Борна – герой, находящийся в дисгармоничных отношениях с социумом и с собой, переживающий творческий кризис и кризис личных – дружеских и любовных – отношений, заболевает физически – некоей болезнью, которая в рамках произведения так и не получает диагноза. Характерно, что в обоих романах сообщение о болезни стоит в центре произведения. Ни в начале, ни в финале романов ничего не говорится о физическом здоровье протагонистов.

Тот же мотив необъяснимой, неуловимой болезни присутствует и в одной из самых известных пьес Бото Штрауса «Groß und klein» (1978), которую на русский язык переводят в зависимости от интерпретации: «От мала до велика» или «Такая большая – и такая маленькая». Как известно, в пьесе представлены скитания главной героини Лотты по миру, в основном по Германии. Как и персонажи Борна, Лотта одинока в своих странствиях, героиня повсюду встречает отчуждение и холодность. Её отвергают бывший муж, бывшая подруга, не принимают окружающие.

В одной из сцен ближе к финалу авторские ремарки фиксируют у Лотты непонятные болезненные симптомы: Лотта «глочет воздух» [10, с. 145]. Собеседник героини, мужчина на автобусной остановке, пытается выяснить причины её поведения: «У тебя что?.. болезнь какая-нибудь? Ты занимаешься распространением этой болезни?... Только не умри здесь» [10, с. 145]. Не только мужчина на автобусной остановке, но и сама Лотта заявляет о непонимании своих телесных ощущений: «Происходит что-то в груди, но без кашля» [10, с. 145]. Примечательно, что пьеса заканчивается сценой в коридоре врача: когда остальные пациенты расходятся, Лотта заявляет вышедшему к ней врачу, что у неё ничего не болит и уходит.

Итак, загадочное заболевание героя (героини) объединяет романы Борна и пьесу Штрауса. И у того и у другого автора болезнь, несомненно, имеет социальные корни – персонажи заболевают на пике своего профессионального, мировоззренческого, эмоционального кризиса, который в контексте данных произведений во многом обусловлен социумом. Социальные причины телесного недомогания только косвенно указаны в этих произведениях, в отличие от уже упомянутого романа «Марс», где повествователь эксплицитно обвиняет в своей болезни общество: все сдерживаемые слёзы, затаённые страдания и проглатываемые обиды героя прорвались в форме болезни – рака.

Характерно, что герои Борна и Штрауса, в отличие от персонажа Цорна, страдают от невыясненной, непонятной болезни. Отсутствие диагноза, вероятно, можно интерпретировать в русле антирационалистического начала, которым проникнуты многие произведения немецкой литературы и философии семидесятых годов. Антирационалистическое направление в культуре послевоенной Германии нашло выражение в трудах философов Франкфуртской школы, прежде всего, в знаменитом сочинении

¹ Перевод мой – А. Е.

М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика просвещения» (1947).² Критика рационалистического начала в немецкой литературе семидесятых годов, ещё мало изучена и, несомненно, заслуживает отдельных исследований. Стоит отметить, что к ключевым словам романа Борна «Обратная сторона истории» относятся глаголы «erklären» и «verstehen». Герои произведения страдают от необходимости всё понимать и объяснять себе и другим, и сами требуют объяснений от окружающих. Навязчивое стремление всё понимать и объяснять отличает и персонажей других литературных произведений семидесятых годов, например, одну из самых известных книг того времени – роман Петера Шнайдера «Ленц» (1973). Авторская ирония по отношению к тотальной рационализации сквозит особенно в финале этого произведения, где об одном герое, уехавшем из Берлина с его бурной политической жизнью, замечено, что ему больше не надо было кому-то что-то объяснять. Рациональность, разум пародируются в романе Н. Борна как раз в сценах в больничной палате. В отличие от героя-писателя с его непонятым заболеванием сосед-крановщик с более чётким медицинским диагнозом (у него обследуют печень) восхищает героя тем, что постоянно объясняет все свои действия – почему он ест фрукты, так или иначе проводит время и т.п.: «Всё, что он делал, он сопровождал объяснением, почему он сделал это и сделал так, почему другие не сделали бы этого и что бы произошло, если бы он так не сделал» [11, S. 134]. Такой контраст героя рационалистического с более конкретной болезнью и персонажа с непонятым заболеванием, иронически относящегося к объяснениям, вероятно, высвечивает смысл мотива непонятой болезни – как протеста тела, привившегося рационализации, объяснению, манипуляции.

Отдельной темой исследования могло бы стать также соотнесение мотива непонятой болезни со взглядами Мишеля Фуко, рассматривавшего среди прочего и репрессивное начало медицинского дискурса. Одна из наиболее известных работ М. Фуко, написанный как раз в семидесятые годы труд «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975), ставит больницу в один ряд с такими дисциплинирующими учреждениями как тюрьма и казарма. Незванная, неуловимая болезнь, возникающая в произведениях семидесятых годов, ускользает от рационализации, каталогизации, формируя пространство тела как относительно автономное, неподвластное тотальной рационализации. Именно тело представлено у Н. Борна и Б. Штрауса как начало, бунтующее против рационализованного социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zimmermann, B. Epoche in der Literaturgeschichte / B. Zimmermann // Deutsche Literatur zwischen 1945 und 1995; Hrsg. H.A. Glaser. – Bern, Stuttgart, Wien. 1997.
2. Delabar, W., Schütz, E. Serien und Solitäre. Zur deutschen Literatur der siebziger und achtziger Jahre / W. Delabar, E. Schütz (Hrsg.) // Deutschsprachige Literatur der 70-er und 80-er Jahre. Autoren. Tendenzen. Gattungen. – Darmstadt, 1997.
3. Rath, W. Romane und Erzählungen der siebziger bis neunziger Jahre / H.A. Glaser (Hrsg.) // Deutsche Literatur zwischen 1945 und 1995.
4. Weber, R. Neue Dramatiker in der BRD / H.A. Glaser (Hrsg.) // Deutsche Literatur zwischen 1945 und 1995.
5. Sill, O. «Fiktion des Faktischen». Zur autobiographischen Literatur der letzten Jahrzehnte / W. Delabar, E. Schütz (Hrsg.) // Deutschsprachige Literatur der 70-er und 80-er Jahre.
6. Foucard, Cl. Körper und Literatur / H.A. Glaser (Hrsg.) // Deutsche Literatur zwischen 1945 und 1995.
7. Ullrich, G. Der einzelne Krankheitsfall als Krankheitszeichen des Systems / Jo. Bark, D. Steinbach, H. Wittenberg (Hrsg.) // Geschichte der deutschen Literatur. Von 1945 bis zur Gegenwart. – Stuttgart, 1983.
8. Born, N. Die erdabgewandte Seite der Geschichte / N. Born. – Reinbek bei Hamburg, 1979.
9. Борн, Н. Фальшивка / Н. Борн; пер. Г. Снежинской. – СПб., 2004.
10. Штраус, Б. Такая большая – и такая маленькая / Б. Штраус. // Время и комната; пер. В. Ситникова. – М., 2001.
11. Ruckhäberle Botho Strauß / H. Steinecke (Hrsg.) // Deutsche Dichter des 20. Jahrhunderts. – Berlin, 1994.
12. Saupé, A. 'Die erdabgewandte Seite der Geschichte' Die Prosa Nicolas Borns / A. Saupé. – Würzburg, 1996.

² В литературоведении отмечается большая роль, которую сыграло знакомство Б. Штрауса с сочинениями Т. Адорно: см.: [11, S. 870].

Исследовательница А. Заупе отмечает переключку между сочинениями Т. Адорно / М. Хоркхаймера и произведениями Н. Борна. В своей книге о романе Н. Борна «Обратная сторона истории» она отмечает, что творчество Н. Борна подхватывает традицию критики разума, восходящую к Ф. Ницше и продолженную философами Франкфуртской школы [12, S. 31].